

НА ПУТИ К «КРАСНОМУ СЕНАТУ»: ПЕРВЫЙ ОПЫТ ЦЕНТРАЛИЗАЦИИ РЕВОЛЮЦИОННЫХ ТРИБУНАЛОВ (1917–1918 гг.)

Аннотация: В статье освещаются первые попытки создания на протяжении 1918 г. высшей судебной инстанции в сфере трибунальского правосудия. Раскрываются политические причины, заставившие советское руководство пойти по пути централизации системы революционных трибуналов, обязательным элементом которой стало создание различных центральных структур, имевших в том числе функции высшей судебной инстанции. Освещаются организационные и функциональные особенности данных структур, в результате чего показан процесс институционализации несущих конструкций советского механизма проверки законности судебного решения и обеспечения единообразия правоприменения.

Ключевые слова: верховный суд, высшая судебная инстанция, революционный трибунал, советская власть, суд, судебная система, кассация, надзор.

12 апреля 1923 г. в «Еженедельнике Советской Юстиции» появилась статья П.И. Стучки, в которой, подчеркивая, что высказывает только свои личные мысли, был вынужден объяснять, почему он, человек, закрывший в 1917 г. Сенат, принял участие в создании и возглавил Верховный Суд, или как его называли «Красный Сенат»¹. По всей видимости, П.И. Стучка столкнулся с упреками в совершении ошибки, причем в зависимости от позиции критиков ошибкой могла признаваться ликвидация высшей судебной инстанции, но видимо большее непонимание вызывало учреждение новой, что шло вразрез с господствовавшими взглядами на место суда в механизме государства и в целом на перспективы правовой инфраструктуры. Для Стучки ситуация усугублялась еще и тем, что в августе 1918 г. на страницах издания «Пролетарская революция и право» он рассказывал как приходилось убеждать товарищей ликвидировать старые суды, чтобы открыть дорогу правотворчеству народного суда, которое создаст необходимые предпосылки для нового права².

Уже этот факт указывает на сложность процесса становления единой высшей судебной инстанции в Советской России. Данная статья посвящена исследованию зарождения идеи и правового оформления высшей судебной инстанции в Советской России в 1917-1922 гг. Значимость изучения указанной темы вызвана, прежде всего, непосредственным академическим интересом. В современной науке идет активный процесс переосмысления

Захаров Владимир Викторович, доктор юридических наук, профессор
zaharov.72@mail.ru

Захарова Полина Владимировна, соискатель кафедры теории и истории государства и права Курского государственного университета

¹ Стучка П. Мысли о нашем правосудии. В порядке дискуссии // Еженедельник советской юстиции (далее – ЕСЮ). 1923. № 14. С. 313-315.

² См.: Стучка П. Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 1-7.

прошлого России, что детерминирует постоянное обращение к ее опыту в целях как общеметодологического, так и гносеологического характера. Историю советского суда нельзя отнести к числу периферийных тем, она постоянно привлекала к себе внимание исследователей. Наличие достаточно обширной литературы, в которой представлены разнообразные точки зрения о становлении правосудия в России в указанный период, может создать впечатление исчерпанности темы во всех ее аспектах.

Работы советских авторов можно с уверенностью объединить в одну группу, поскольку они базируются на едином методологическом подходе, что предопределило «заидеологизированность» исследований, и были посвящены либо вопросу о нормативном регулировании общественных отношений в области судостроительства и судопроизводства, либо отдельным этапам становления советской судебной системы. В довоенный период среди авторов преобладали деятели советской юстиции, которые склонны были освещать общие вопросы эволюции судостроительства и судопроизводства в первые советские годы, вследствие чего их работы были посвящены в основном теоретическим аспектам судостроительства и судопроизводства, конкретное воплощение нормативных актов в жизнь и практическая деятельность судебных органов отражения не получили, а потому характеристики высшей судебной инстанции оказались фрагментарными и лаконичными¹.

В середине – второй половине XX в. активизируется изучение истории организации и функционирования советского суда, отмечается усиление научного характера исследований, что отражалось, скажем, в публикации источников². Работы Э.Н. Алешкиной, Е.Н. Городецкого, Д.С. Карева, М.В. Кожевникова, В.М. Курицына, В.П. Портнова, М.С. Строговича, М.М. Славина, Ю.П. Титова и др. на основе обширного источникового материала, включающего в том числе архивные и статистические данные, дается широкий обзор процесса организации и деятельности органов правосудия. Красной нитью исследований являлось выделение и абсолютизацию достоинств советской судебной системы, что на фоне расширения эмпирического материала, предмета исследования, не позволило в полной мере провести анализ реальной картины организации советских судов, которая не всегда являлась зеркальным отображением законодательства, равно как и выйти за рамки фрагментарного упоминания становления единой высшей судебной инстанции³. Аналогичным образом

¹ См., например: Берман Я.Л. Декреты Октября / Советское государство. М., 1933. № 6. С. 35-47; Вышинский А.Я. Судостроительство в СССР. Изд. 2. М., 1935; Голунский С.А., Карев Д.С. Учебник по судостроительству. М., 1939; Крыленко Н.В. Судостроительство РСФСР: лекции по теории и истории судостроительства. М., 1924; Стучка П. Народный суд в вопросах и ответах. М., 1918.

² См., например: История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации прокуратуры 1917-1954 гг.: сборник документов / сост. Л.Н. Гусев; под ред. С.А. Голунского. М. 1955.

³ См.: Алешкина Э.Н. Местное правотворчество в первые годы советской власти. Воронеж, 1977; Городецкий Е.Н. Рождение советского государства. М., 1965;

поступали и специалисты-процессуалисты⁴. Исключение составляют только небольшие очерки о генезисе судебного надзора в РСФСР П. Трубникова и В.И. Шинда².

Современный этап изучения истории советского правосудия характеризуется попытками преодоления отмеченных выше недостатков. Освобождение от идеологических ограничений позволило по-новому осветить процессы, происходившие в сфере судебного строительства в 1917–1920-е гг. Ученые обращают внимание на дискуссии по вопросу об основных принципах судостроительства и судопроизводства, вводят в оборот ранее неизвестные источники, применяют новые методологические подходы. Как следствие, стала формироваться достаточно сложная научная картина состояния отечественного суда в советский период, которая содержит и резко критические оценки советской юстиции, характерные в первую очередь исследованиям конца XXI в.³, и более взвешенные подходы, которым свойственно квалифицировать состояния суда и правосудия в контексте модели советской государственности⁴. На этом фоне история создания высшего суда по-прежнему мало интересует специалистов, которые включают в свои труды фрагментарные сведения об этом институте⁵. Такая

Добровольская Т. Верховный Суд СССР. М., 1964; Карев Д.С. Советское судостроительство. М., 1966; Кожевников М. В. История советского суда. М., 1956; Курицын В.М. Переход к нэпу и революционная законность. М., 1972; Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России. М., 1991; Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1956; Титов Ю.П. Создание системы советских революционных трибуналов. М., 1983; Чистяков Н.Ф. Верховный суд СССР. М., 1977.

¹ См., например: Банченко-Любимова К.С. Пересмотр судебных решений в порядке надзора. М., 1959; Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. М., 1954; Курс советского гражданского процессуального права. М., 1981; Семенов В.М. Суд и правосудие в СССР. М., 1984; Фархитдинов Я.Ф. Источники гражданского процессуального права. Казань, 1986 и др.

² См.: Трубников П. Возникновение и развитие судебного надзора // Социалистическая законность. 1967. № 11. С. 76-80; Шинд В.И. О судебном надзоре в первые годы советской власти (1917-1922 гг.) // Советское государство и право. 1957. № 3. С. 103-106.

³ См., например: Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997; Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М., 2000; Стецовский Ю.И. История советских репрессий. Т.1. М., 1997.

⁴ См., например: Алакпаров К.А. Становление отечественного суда и формирование принципов судопроизводства в 1917-1936 гг.: дис. ... канд. юр. наук. М., 2005; Бондаренко А.В. Судебная система РСФСР в условиях нэпа: дис. ... канд. юр. наук. М., 2010; Лезов И.Л. Советский суд в 1917-1940 гг.: дис. ... канд. юр. наук. М., 1998; Титков В.И. Организационно-правовые основы советского правосудия: 1917-1929 гг.: дис. ... канд. юр. наук. Владимир, 2008; Шкрыль Е.О. Становление и организационно-правовое развитие судебного управления и судебного надзора в РСФСР (1917-1940 гг.): историко-правовое исследование: дис. ... канд. юр. наук. Краснодар, 2005; Чекунов Н.А. Судебная реформа 1922 г. СПб., 2004 и др.

⁵ Типичный пример диссертационное исследование Штепы Е.В., в котором лишь отдельными мазками показаны структуры, которые до создания Верховного Суда осуществляли функции высшей судебной инстанции (Штепа Е.В. Правовое положение Верховного Суда в судебной системе РСФСР (1923-1991 гг.): дис. ... канд. юр. наук. Белгород, 2013).

же картина отличает и работы зарубежных исследователей, которые, будучи сконцентрированы на политико-идеологических аспектах судебного строительства, ограничиваются всего лишь упоминанием высшего суда¹.

Подводя итог краткому историографическому обзору, необходимо отметить, что знакомство с исследованиями порой оставляет ощущение, что авторы отталкиваются от некой заданности вектора судебного строительства в первые годы советской власти. В силу этого может сложиться впечатление, что создание как рациональной судебной организации, так и высшей судебной инстанции планировалось чуть ли не изначально, и не состоялось только в силу сложной военно-политической обстановки². Корреляции между последней и судебным строительством уже прослежены и описаны, но зачастую в работах не учитывается влияние идеологических, межпартийных, внутрипартийных, межличностных противостояний, которые не обошли рассматриваемую сферу общественных отношений.

Основная сложность, с которой сталкивается исследователь отечественной судебной системы в 1917-1922 гг. состоит в том, что указанное время было периодом интенсивного реформирования судебных органов. Этот процесс зачастую носил бессистемный характер. В дореволюционных судах большевики видели не более чем элемент карательной системы царизма и советская власть поступила с ними в полном соответствии с революционными традициями – ликвидировала без всяких попыток реформирования и этим, как потом уверял В.И. Ленин, «расчистили дорогу для настоящего народного суда»³. Исследователи истории советского суда вполне единодушны в том, что его создание «шло до 1922 г. ранее не изведанным и никем не проторенным путем»⁴. Перед нами период интенсивного поиска модели суда, наиболее пригодного для нового государственного строя. Выражением этого поиска стал достаточно хаотический процесс реформирования судебных органов и механизмов обжалования их решений, который отражал в том числе и то, что события развивались далеко не всегда в соответствии с теоретическими схемами большевиков.

Начало указанному процессу было положено Декретом СНК от 22.11.1917 «О суде» (далее – Декрет № 1), содержание которого отражало бурное обсуждение в Совете народных комиссаров (далее – СНК) и

¹ См., например: Боффа Д. История Советского Союза. М., 1994; Верт Н. История советского государства. 1900-1991. М., 1995; Карр Э. История Советской России. М., 1990; Соломон П. Советская юстиция при Сталине / пер. с англ. М., 1998; Хаски Ю. Российская адвокатура и советское государство. М., 1993; Kucherov Samuel. The organs of Soviet administration on justice: their history and operation. Leiden, 1970; Shlezinger Rudolf. Soviet legal theory/first published in 1945. London, 1998.

² Именно такие ощущения возникают при знакомстве с суждениями типа: «Гражданская война 1918-1922 гг. затормозила развитие советской судебной системы» (Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам. М., 2016. С. 105).

³ В.И. Ленин. Полн. собр. соч. Т. 35. М., 1974. С. 270.

⁴ Суд в СССР / под. ред. Л.Н. Смирнова, В.В. Куликова, С.Г. Банникова, В.М. Савицкого, Х.Б. Шейнина. М., 1977. С. 76.

Центральном исполнительном комитете (далее – ВЦИК), в силу чего был выработан компромиссный документ, устраивающий большинство деятелей упомянутых органов власти и партий, оставшихся лояльными новому режиму. Декрет № 1, по удачному выражению Я.Л. Бермана¹, во-первых, сформулировал отношение революционной власти к старым судам, во-вторых, определил параметры организации новых судов. Первая проблема была решена достаточно просто: были упразднены все суды и органы, обеспечивавшие их деятельность, за исключением мировых судей, деятельность которых приостанавливалась. Взамен была введена простая судебная организация, отличавшаяся сосредоточением решения дел по существу в одной инстанции, для чего учреждались местные (общие) суды и революционные трибуналы (далее – трибуналы)². Такая конфигурация содержала в себе противоречие, поскольку являет собой попытку создания демократического, т.е. избираемого самим населением, суда (это намерение олицетворял местный суд и оно шло в русле обещаний большевиков) и инструмента оперативной борьбы с наиболее опасными преступниками и политическими противниками революции (решение этой задачи возлагалась на трибуналы и оно соответствовало реальной воле новой власти и политической обстановке).

Последняя складывалась таким образом, что повсеместно основное внимание было уделено формированию трибуналов, которые практически сразу стали главными судебными органами, тем более что они учреждались не только в губернских и иных крупных городах, но и в уездах и даже отдельных волостях, опережая строительство местных судов. Этому немало способствовали усилия властей, опасавшихся контрреволюционных выступлений, направленные на расширение подведомственности трибуналов, в результате которых они рассматривали не только более или менее серьезные уголовные дела, в большинстве своем незаконно изъятые из ведомства местных судов³, но даже гражданские дела⁴. Видимо, на местах устраивало, что деятельность трибуналов отличалась широкими процессуальными полномочиями: свободой толкования доказательств, самостоятельностью в выборе меры наказания, оперативностью в принятии решений и др.

Декрет № 1 не решил всех вопросов организации и деятельности трибуналов. Практически сразу возникла необходимость регламентировать

¹ См.: Берман Я.Л. Очерки по истории судостроительства в РСФСР. М., 1923. С. 5.

² См.: См.: Декрет о суде 22 ноября (5 декабря) 1917 г. //СУ РСФСР 1917. № 4. Ст. 50. Заметим, что отказ от системы судебных инстанций уже был апробирован в период Французской революции, опыт которой большевиками активно использовался. Правда, достаточно быстро он был признан неудачным.

³ См.: Берман Я.Л. Революционные трибуналы // Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 48-49.

⁴ См.: Отчет Народного комиссара юстиции // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 37-38; Отчет народного Комиссариата Юстиции за 1918 г. // Материалы Народного Комиссариата Юстиции (далее – Материалы НКЮ). Вып. 6. М., 1919. С. 5; Курский Д.Л. Избранные статьи и речи. М., 1958. С. 32.

права и обязанности трибуналов, определить их компетенцию, тем более что Декрет № 1 устанавливал только специальную подсудность трибуналов и не оговорил перечень составов преступлений. Это открыло возможности местным Советам принять собственные нормативные правовые акты¹. Пользуясь этой возможностью, местные Советы не ограничились регламентацией внутриорганизационных связей и отдельных процессуальных вопросов, а пошли дальше и закрепили за собой функции кассационной проверки приговоров трибуналов. Соответствующие полномочия в одних случаях осуществляли непосредственно Советы, в других – специальные комиссии, создаваемые Советами или региональные органы юстиции². В этом можно видеть, с одной стороны, проявление копирования организации и деятельности центральных органов власти на местах, но следует обратить внимание, что подобная практика отражает, с другой стороны, сепаратизм и местничество, проявившиеся в первые месяцы советской власти³.

Центральная власть в лице Народного комиссариата юстиции (далее – НКЮ, наркомат юстиции, наркомат), с одной стороны, признала право на такое нормотворчество, выдвинув только одно принципиальное условие – следование декретам СНК. Так, 28 ноября 1917 г. под руководством П.И. Стучки было подготовлено и увидело свет Руководство для устройства трибуналов. Этот документ носил рамочный, рекомендательный характер и признавал за местными Советами самостоятельность «в деле организации трибуналов»⁴. С другой стороны – центральное правительство старалось руководить процессом организации судов, к чему ее подталкивали объективные причины. Ориентация судей на правосознание населения как основной источник права, недоверие к законодательству, отсутствие ясных правовых позиций, разнообразие политических установок, шедших от местных Советов, контролировавших трибуналы, создавали благоприятную среду для формирования различных подходов в правоприменительной практике⁵. К этому стоит добавить и отсутствие достаточной квалификации у членов трибуналов, которую не могли заменить ни социальное происхождение, ни членство в рядах РКП(б), ни даже желание работать. Более того, члены трибуналов в условиях свободы от юридической

¹ См. подробнее: Материалы НКЮ. Вып. 1-5. М., 1918.

² См.: Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917-1922 гг.). М., 1990. С. 40-41.

³ См. подробнее: Гимпельсон Е.Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления 1917-1930. М., 2003. С. 34-36.

⁴ См.: Известия. 1917. 28 ноября.

⁵ Берман Я.Л. О революционных трибуналах // Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 59. Например, Смоленский ревтрибунал к разряду контрреволюционных преступлений относил дезертирство и злоупотребление властью, в то время как Тульский ревтрибунал считал их воинскими и должностными преступлениями соответственно (см.: Макутчев А.В. Тульский губернский революционный трибунал в 1918-1923 гг.: дис. канд. ист. наук. М., 2011. С. 47; Федоренко П.П. Революционные трибуналы Смоленской губернии (декабрь 1917-1922 гг.): дис. канд. ист. наук. Смоленск, 2006. С. 35).

регламентации правосудия, по сути, творили произвол¹, что тоже мало устраивало центральную власть, не только объективно заинтересованную в элементарном правопорядке, но и рассчитывающую, что карающий меч советской власти не минует действительных, а не мнимых врагов и тем более не станет средством сведения личных счетов, как это нередко случалось в действительности.

Декрет № 1 не оговаривал никаких централизованных форм контроля за работой трибуналов. Был расчет, что трибуналы обойдутся без суровых наказаний². П.И. Стучка указывал на обличительный характер трибуналов, правда, при этом не исключал приобретение ими «весьма сурово карающей роли»³. Надо полагать, трансформация не заставила себя долго ждать и жалобы на приговоры трибуналов имели место и в немалом количестве. К таким выводам позволяет придти информация о работе Секретариата, или Отдела консультаций и справок, Наркомата юстиции, в задачи которого входило рассмотрение многочисленных запросов о разъяснении декретов и распоряжений власти. Секретариат состоял из трех отделений: уголовного, гражданского и «по разным вопросам». Как раз в уголовное отделение поступали кассационные жалобы на приговоры трибуналов. Работники отделения составляли заключение, а затем вопрос рассматривала коллегия НКЮ, откуда в зависимости от того, признавалась ли жалоба обоснованной или нет, документы направлялись в ВЦИК или же возвращались заявителю⁴.

Инструкция от 19.12.1917 «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» (далее – Инструкция 1917 г.)⁵, которая была подготовлена по инициативе левоэсеровского народного комиссара юстиции И.З. Штейнберга содержала первую попытку регламентировать контроль за деятельностью трибуналов со стороны центральных органов власти. Согласно ей НКЮ получил право обратиться в ВЦИК с предложением

¹ См. подробнее: Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997. С. 247-296; Жильцов С.В. Смертная казнь в истории России. М., 2002. С. 221–283; Литвин А.Л. Красный и белый террор в России. 1918–1922 гг. М., 2004. С. 54–138.

² Инструкция от 19.12.1917 «О Революционном Трибунале, его составе, делахъ, подлежащихъ его веденію, налагаемыхъ имъ наказаніяхъ и о порядке веденія его заседаній» предусматривала исчерпывающий перечень наказаний, которые мог применить революционный трибунал: 1) денежный штраф, 2) лишение свободы, 3) удаление из столиц, отдельных местностей или пределов Российской Республики, 4) объявление общественного порицания, 5) объявление виновного врагом народа, 6) лишение виновного всех или некоторых политических прав, 7) секвестр или конфискация (частичная или общая) имущества виновного, 8) присуждение к обязательным общественным работам. Мера наказания трибунал устанавливал, руководствуясь обстоятельствами, делами и «велениями революционной совести» (СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 170).

³ Цит. по: Гимпельсон Е.Г. Указ. соч. С. 29.

⁴ см.: Отчет Народного Комиссариата Юстиции за 1918 г. // Материалы НКЮ. Вып. 6. М., 1919. С. 34.

⁵ СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 170.

назначить повторное рассмотрение дела. Основанием для такого действия могли служить, во-первых, существенные нарушения трибуналом процессуальных норм («форм судопроизводства»), во-вторых, явная несправедливость приговора. Предварительно жалобы на приговоры трибуналов рассматривались в уголовном отделении IV отдела наркомата, затем выносились на заседание коллегии, которая решала вопрос об отказе в удовлетворении жалобы или признании жалобы заслуживающей внимания. В последнем случае готовилось заключение, которое вместе с жалобой направлялось во ВЦИК и на его заседании выступал представитель НКЮ в качестве докладчика по делу. Не исключено, что Инструкция 1917 г. зафиксировала стремления нового руководства НКЮ не только создать механизм обжалования и проверки судебных актов, но и отреагировать на поступающие жалобы, связанные с работой трибуналов. В любом случае, оценивая данные нормы, необходимо признать, что перед нами зарождение надзорной инстанции, в роли которой первоначально выступал ВЦИК¹.

Итак, следует признать, что практически с первых дней существования советского суда возникла необходимость контроля за законностью приговоров трибуналов. После введения в действие Декрета № 1 в РСФСР возникли два варианта их обжалования: первый – региональный – в местные Советы, второй – централизованный – в наркомат юстиции. В научной литературе презюмируется, что перед нами кассационная форма проверки приговоров трибуналов. Действительно, поскольку Декрет № 1 упоминал исключительно кассационное обжалование, то кассация рассматривалась как единственная форма проверки судебного акта и стороны стали активно ею пользоваться, направляя именно кассационные жалобы в НКЮ. Тем более, что зачастую это были профессиональные юристы, имевшие опыт работы еще с дореволюционным механизмом обжалования приговоров суда.

Руководство наркомата юстиции понимало, что проверочная деятельность в отношении приговоров трибуналов в силу своей серьезности требует адекватных организационных решений. Начало поиска последних можно датировать 25 января 1918 г., когда И.З. Штейнберг воспользовался п. 11 Инструкции 1917 г.² и организовал в НКЮ кассационное отделение в составе пяти сотрудников (далее – отделение) при I отделе (отделе судостроительства и личного состава)³. 3 марта 1918 г. отделение издало постановление «О порядке направления жалоб об отмене приговоров революционных трибуналов»⁴. Жалоба подавалась в двухнедельный срок

¹ См. подробнее: Богуславская С.М. Порядок пересмотра приговоров, вступивших в законную силу. М., 1941.

² «Решение Революционного Трибунала считается окончательнымъ. Въ случае нарушенія установленныхъ настоящей Инструкціей формъ судопроизводства, а также обнаруженія признаковъ явной несправедливости приговора, Народный Комиссаріатъ юстиціи имеетъ право обратиться къ Центральному Исполнительному Комитету Советовъ Рабочихъ, Солдатскихъ и Крестьянскихъ Депутатовъ съ предложеніемъ назначить вторичное и последнее разсмотреніе дела» (СУ РСФСР. 1917. № 12. Ст. 170).

³ См.: СУ РСФСР. 1918. № 21. Ст. 314.

⁴ Газета Рабочего и Крестьянского Правительства. 1918. 5 марта.

через трибунал, вынесший приговор. Сложной организационной модели соответствовала далеко непростая процедура. Отделение не выступало полноценной кассационной инстанцией, поскольку не отменяло приговоров трибуналов, которые, напомним, считались окончательными. Кассационное отделение в семидневный срок осуществляло предварительное рассмотрение жалобы и либо признавало ее необоснованной и возвращало дело в трибунал, либо выносило постановление об отмене приговора трибунала и передавало дело через НКЮ в судебный отдел ВЦИК. Последний должен был в двухнедельный срок или отклонить постановление отделения об отмене приговора, или утвердить его и передать дело на новое рассмотрение в ином составе трибунала.

Обратим внимание на одно новое обстоятельство: по свидетельству будущего члена Верховного Суда РСФСР Н.С. Уманского от отделения, помимо рассмотрения конкретных жалоб, ожидали осуществления координации правоприменительной практики трибуналов. Но, как видим, механизм такой координации не получил должной нормативной регламентации и оставался, по оценкам современников, «туманным»¹, в силу чего выглядело крайне проблематичным его реализация на практике.

Инициатива левых эсеров не получила поддержки у нового, большевистского, руководства НКЮ. В апреле 1918 г. коллегия наркомата под руководством наркома П.И. Стучки вынесла решение: «По поводу возникшего в свое время при Народном комиссариате без декрета и без постановления коллегии кассационного отдела коллегия постановила упразднить кассационный отдел и восстановить право коллегии впредь до издания декрета о кассации решений революционных трибуналов давать заключения по кассационным жалобам на решения революционных трибуналов»². В итоге предварительное рассмотрение жалоб и протестов на приговоры трибуналов сконцентрировалось в коллегии НКЮ. Даже предварительную работу по жалобам переложили на членов коллегии, что не преминуло повлечь за собой отрицательные последствия. Исследования показывают, что фактически коллегия НКЮ в силу своей загруженности мало работала с кассационными жалобами. Отмечены единичные случаи передачи последних во ВЦИК³. В конечном итоге деятельность по рассмотрению жалоб была переформатирована, и, по сути, вернулись к идее И.З. Штейнберга. При следственном отделе НКЮ был создан «стол кассаций по делам революционных трибуналов», который действовал практически по тому же формату, что и кассационное отделение. Как и прежде производство по жалобе предполагало прохождение через наркомат юстиции и структурные подразделения ВЦИК.

¹ См., например: Уманский Н. Верховный трибунал // Пять лет Верховного суда 1918-1923. М., 1923.

² Цит. по: Кожевников М.В. Указ. соч. С. 27.

³ См.: Титов Ю.П. Создание системы советских революционных трибуналов. М., 1983. С. 92-93.

Наименования кассационного отделения и кассационного стола не должны нас вводить в заблуждение, не существовало ни кассационной инстанции в точном смысле этого слова, ни полноценного механизма проверки решений трибуналов. Обратим внимание, в ходе рассмотрения материалов дела все названные органы имели возможность знакомиться с работой конкретного трибунала, следовательно, устанавливать факты нарушения действующего порядка работы и при необходимости инициировать или принимать меры реагирования организационного характера. В итоге постепенно зарождалась традиция, когда объектом контроля наряду с законностью судебного акта выступала деятельность самого суда, что неизбежно влекло за собой смешение различных способов проверки судебных актов.

Середина 1918 г. характеризовалась ситуацией системного кризиса и над новым руководством страны нависла серьезная угроза потери власти¹. Все усилия были брошены на борьбу с контрреволюцией, что потребовало задействовать весь арсенал чрезвычайных инструментов, в том числе трибуналы. Возникла необходимость проведения более жесткой и единой карательной политики, а это как раз составляло, по мнению центральной власти, слабое место трибуналов, которые оказались не совсем последовательны в проведении политического курса. Как отмечал П.И. Стучка: «революционные трибуналы измельчали, особенно в глухих уездах»². Завершение формирования сети местных судов³ позволяло освободить трибуналы от рассмотрения некоторых категорий дел, а сокращение местных трибуналов в рамках оптимизации государственного аппарата могло быть использовано для усиления состава кадрами, надежными с политической точки зрения.

Эти задачи был призван решить подготовленный наркоматом юстиции Декрет СНК от 04.05.1918 «О революционных трибуналах»⁴. Его основные положения включали, во-первых, сохранение трибуналов только в крупных центрах; во-вторых, уточнение подведомственности трибуналов за счет изъятия значительного числа дел общеуголовного характера; в-третьих, упорядочивание обвинения за счет создания при трибуналах коллегий обвинителей; в-четвертых, укреплялся кадровый состав за счет увеличения членов партии. Нельзя не отметить как показатель отношения к местным

¹ В.И. Ленин в июне на объединенном заседании ВЦИК, московского совета и профсоюзов заявил, что «Перед нами теперь, летом 1918 г., может быть, один из самых трудных, самых тяжелых и самых критических переходов нашей революции...» (см.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т. 36. М., 1969. С. 398). По некоторым данным Л.Д. Троцкий признался германскому послу В. фон Мирбаху, что советская власть уже мертва, но еще не найден могильщик (см.: Литвин А.Л. Фейга Хаимовна Каплан // Фани Каплан, или кто стрелял в Ленина. Казань, 1995. С. 26).

² Отчет Народного Комиссара Юстиции. С. 38.

³ К концу марта 1918 г., как позволяют судить доклады областных и губернских комиссаров юстиции местные суды функционировали уже в половине уездов, подконтрольных советской власти. См.: Материалы НКЮ. Вып. 3. С. 2-113.

⁴ СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 471.

трибуналам и одновременно усиления тенденции на централизацию управления ими создание 29 мая 1918 г. Революционного трибунала при ВЦИК как суда первой инстанции по наиболее важным преступлениям, причем подсудность каждый раз определялась постановлениями Президиума ВЦИК, СНК или НКЮ¹. В итоге мы наблюдаем трансформацию трибуналов в направлении чрезвычайных специальных органов, что потенциально влекло за собой утрату признаков суда.

Одновременно в повестку дня был включен вопрос об усилении контроля за трибуналами, включая унификацию их судебной практики². Об этом свидетельствует развернувшаяся весной-летом 1918 г. активная борьба по вопросу о кассационном обжаловании приговоров трибуналов. 9 мая 1918 г. коллегия НКЮ поручила наркому Д.И. Курскому³ разработать проект декрета о кассационной инстанции для местных трибуналов⁴. Несмотря на то, что I Всероссийский съезд областных и губернских комиссаров юстиции 24 апреля 1918 г. высказался за передачу кассационных прав местным Советам⁵, предполагалось, что именно НКЮ станет кассационной инстанцией. Однако, уже 13 мая 1918 г., как показывает представленный во ВЦИК проект декрета «О кассации приговоров революционных трибуналов»⁶, от этой идеи отказались. Президиум ВЦИК сначала отложил проект, затем предложил его переработать, перенеся споры в СНК. Не должно удивлять, что проект вызвал разногласия, о чем свидетельствует продолжительность и неоднократность его обсуждения. Представляется, что в руководстве страны отсутствовали особые разногласия по поводу изъятия кассационных полномочий у местных Советов, но имелись разные взгляды на то, какой центральный орган власти (ВЦИК, СНК, НКЮ) будет осуществлять как минимум процессуальный контроль за работой «карающего меча революции». Перед нами отражение первой фазы как межпартийных противоречий в руководстве страны, так и внутривластной борьбы, которые

¹ См.: СУ РСФСР. 1918. № 41. Ст. 542. Как суд первой инстанции он не входит в предмет нашего исследования. Отметим только что Революционный трибунал должен был руководствоваться нормативными правовыми актами, разработанными НКЮ, что указывает на сохранение за последним функции по изданию нормативных актов для трибуналов.

² См.: Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Комитета 4-го созыва (стенографический отчет). М., 1920. С. 412-414.

³ Д.И. Курский сменил на этом посту П.И. Стучку после открытия в отношении последнего факта, неприятного с точки зрения большевистской этики. Оказалось, что активный борец с царским судом П.И. Стучка имел неосторожность после ареста в 1899 г. подать прошение на имя императора о замене ему одного места ссылки другим. Большевики считали недопустимым обращение с такими ходатайствами и наказывали изгнанием из своих рядов. П.И. Стучка оставил пост наркома юстиции, было назначено партийное расследование, которое не без участия Я.М. Свердлова закончилось для Стучки положительным образом (см. подробнее: Войтиков С.С. Узда для Троцкого. Красные вожди в годы Гражданской войны. М., 2016. С. 160-161).

⁴ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 353. Оп. 2. Д. 30. Л. 36.

⁵ См.: Материалы НКЮ. Вып. 1. С. 2-23.

⁶ Кожевников М.В. Указ. соч. С. 54.

одновременно сопровождалась межличностными и групповыми противостояниями¹.

Только 11 июня 1918 г. на заседании ВЦИК состоялась обсуждение проекта. Его представлял член коллегии НКЮ Н.В. Крыленко, который доказывал, что создание механизма кассационного обжалования приговоров трибуналов вытекает из необходимости исправления их ошибок, роста числа кассационных жалоб и протестов, загруженности НКЮ и ВЦИК, чрезмерно сложной структуры действовавшего кассационного производства, предполагавшего прохождение как минимум трех инстанций². Цель нововведения – устранение пробелов в нормативном регулировании, с чем связывалась минимизация судебных ошибок. Основания кассации – неподсудность, нарушение норм судопроизводства, несправедливость вынесенного приговора. Н.В. Крыленко, который к тому времени уже возглавил коллегию обвинителей Революционного трибунала при ВЦИК, настаивал, чтобы кассационный отдел стал его подразделением³, а НКЮ делегировал в отдел своего члена коллегии. Заметим, что если заглянуть дальше стремлений Н.В. Крыленко усилить собственные позиции в руководстве юстицией, что можно увидеть рациональное начало в такой инициативе, поскольку ее реализация могла положить начало отделению кассационной инстанции от законодательного органа власти (ВЦИК) и органов государственного управления (СНК, НКЮ).

Однако этот подход не получил поддержки. 11 июня 1918 г. увидел свет декрет, которым создавался кассационный отдел при ВЦИК (далее – отдел)⁴. При этом авторы декрета стремились найти компромисс между интересами ВЦИК, СНК и НКЮ, который заключался в том, что каждый из названных органов имел возможность делегировать своего представителя в состав отдела: председатель отдела назначался СНК и утверждался ВЦИК; из двух постоянных членов одного делегировал НКЮ (это мог быть член коллегии наркомата или «лицо, ею уполномоченное»), другого – ВЦИК.

Основная функция отдела – рассмотрение кассационных жалоб и протестов на приговоры трибуналов⁵. Полномочия Отдела различались в зависимости от основания обжалования приговора. При нарушении

¹ См. подробнее: Войтиков С.С. Указ. соч. С. 70-260.

² См.: Протоколы заседаний Всероссийского Центрального Комитета 4-го созыва. С. 412.

³ Н.В. Крыленко явно пытался в данном случае усилить свое влияние в системе органов юстиции. Не исключено, что за его спиной стоял В.И. Ленин, который старался внедрять своих сторонников во все властные структуры. Тем более, что у них был опыт совместных действий в 1917 г. по смещению генерала Н.Н. Духонина, исполнявшего обязанности Верховного Главнокомандующего. Любопытно, что руководителем следственной комиссии Революционного трибунала стала жена Н.В. Крыленко Е.Ф. Розмирович.

⁴

См.: Декрет ВЦИК и СНК от 11.06.1918 «Об учреждении Кассационного отдела при ВЦИК и о порядке кассации приговоров революционных трибуналов» // СУ РСФСР. 1918. № 45. Ст. 545.

⁵ К этому моменту в стране действовало 48 революционных трибуналов (см.: Титов Ю.П. Указ. соч. С. 83).

трибуналом правил о подсудности, иных процессуальных норм, дело передавалось самим отделом на новое рассмотрение либо в тот же трибунал, но обязательно в другом составе, либо в иной трибунал, или направлялись по подсудности. В этом случае отдел, как видим, выступал в роли инстанции, хотя мало соответствовал принципам формирования и деятельности суда, даже на начальном этапе советской истории. Если же речь шла о вынесении явно несправедливого приговора, то полномочия кассационного отдела ограничивались внесением представления в Президиум ВЦИК, который в свою очередь принимал решение: либо изменить наказание, либо прекратить производство. Здесь отдел выполнял всего лишь роль подразделения ВЦИК, осуществлявшего предварительную экспертизу материалов дела.

Кассационный отдел начал работать с июля 1918 г. До конца 1918 г. состоялось 32 заседания и было рассмотрено 546 дел, из них: 522 – по кассационным жалобам, 23 – кассационным протестам, 1 – в порядке надзора. По итогам рассмотрения отделом было оставлено в силе 286 приговоров, 55 направлены в ВЦИК, из них 47 приговоров были утверждены, а 8 – отклонены. По 260 делам приговоры были отменены: 103 в связи с нарушением правил о подсудности, 86 вследствие грубых процессуальных нарушений, 71 по причине нарушения декрет СНК от 04.05.1918 «О революционных трибуналах»¹.

Можно выделить несколько самостоятельных направлений деятельности кассационного отдела. Первое – исправление процессуальных ошибок трибуналов по конкретным делам, что осуществлялось в подавляющем большинстве случаев через рассмотрение кассационных жалоб и протестов и формирование кассационной практики, имевшей для трибуналов руководящее значение. Обратим внимание, кассационный отдел своим циркуляром от 6 октября 1918 г. сообщал всем трибуналам, что, рассматривая кассационную жалобу, он не связан ее доводами и может проверить материалы дела в ревизионном порядке². Отметим так же, что в случае установления нарушений, установленных при рассмотрении жалоб и протестов отдел принимал меры по их исправлению. Формой реагирования выступали представления, которые выносились в адрес тех или иных органов управления.

Второе направление – обобщение практики и выработка разъяснений и прочих инструктивных материалов, которые принимались общим собранием отдела. Его можно рассматривать в качестве первого органа, в задачу которого входила координация деятельности трибуналов в масштабе всей страны. Примером последнего может выступать циркуляр от 6 октября 1918 г., в котором на основе обобщения свыше 300 кассационных жалоб и протестов была уточнена подсудность трибуналов, предпринята попытка

¹ См.: Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 37.

² См.: Циркуляр от Кассационного отдела Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета // Пролетарская революция и право. 1918. № 7. С. 69.

унифицировать подходы к квалификации составов преступлений, даны руководящие указания по ведению распорядительных и судебных заседаний¹.

При этом отдел оправдывал свое создание, проводя нужную политическую линию. О том, как это сказывалось на реальных правоотношениях можно судить по постановлению от 6 ноября 1918 г., которым кассационный отдел признал контрреволюционными всякие выступления, независимо от поводов, по которым они возникли, против Советов, или их исполнительных комитетов, или отдельных советских учреждений. Контрреволюционными признавались также действия, которое, не будучи непосредственно направлены на достижение вышеуказанных целей, тем не менее содержали в себе признаки покушения на основные политические или хозяйственные завоевания революции. Данная формулировка не содержала каких-либо точных признаков факта проявления контрреволюции, что послужило причиной активного применения расстрела².

Как показывают исследования, во второй половине 1918 г., начиная с майского декрета о трибуналах, эти органы как бы отдаляются от системы НКЮ³. Последнему не удалось сосредоточить в своих руках руководство деятельностью по обеспечению единообразия судебной практики в отношении всех судов. К реализации этой функции как минимум в отношении трибуналов, оказались привлечены правительство и законодательный орган. Будет упрощением считать, как пытается представить М.В. Кожевников, что претензия НКЮ, как органа судебного управления, на предоставление его коллегии права кассации приговоров революционных трибуналов, не имела под собой ни теоретического, ни практического основания⁴. Учитывая степень правового нигилизма большевиков, можно с уверенностью говорить, что полученная конфигурация кассационной инстанции не столько воплощение господствовавших представлений, сколько отражение компромисса первой фазы борьбы в политическом руководстве, в которой имело большое значение, кто оставит за собой контроль над трибуналами как органами «классового пролетарского правосудия и расправы»⁵, а как точнее выразился Д.И. Курский – как органе «политической борьбы»⁶. Перевес был явно на стороне ВЦИК.

Подведем итоги. Большевики к моменту прихода к власти не имели никакой концепции судебного строительства. Лидеры большевиков исходили из идеи, что в период перехода от капитализма к социализму будет функционировать диктатура пролетариата, которую осуществляет правящая

¹ Там же. 62-69.

² См.: Берман Я.Л. О революционных трибуналах // Пролетарская революция и право. 1919. № 1(11). С. 59.

³ См.: Берман Я.Л. Очерки по истории судоустройства. С. 15; Гимпельсон Е.Г. Указ. соч. С. 25-34.

⁴ См.: Кожевников М.В. Указ. соч. С. 56.

⁵ Берман Я.Л. Очерки по истории судоустройства в РСФСР. М., 1923. С. 29.

⁶ Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 37.

партия. Этот подход предопределил активное использование инструментов «жесткой» власти, прежде всего, связанных с насилием. В этих условиях право трактовалось в первую очередь как инструмент власти и проведения политики, а суд, равно как и другие правоохранительные структуры, рассматривались как орудие государственного принуждения, «органы осуществления воли партии»¹. Реализация такой концепции в условиях отказа от принципа разделения власти имела следствием утрату судом всякой независимости, на практике он оказался встроен в механизм органов исполнительной власти. И это несмотря на то, что в основе нового суда лежала идея народного судьи – представителя народа, решения которого хотя и опираются на законы, но главное – выражают волю народа, народную справедливость². Такая конструкция, во-первых, предполагала отказ от профессиональных судей и замену их судьями, избранными населением или их представителями; во-вторых, позволяла через судебную деятельность привлекать трудящиеся слои населения к государственному управлению; в-третьих, осуществлять, как рассчитывали большевики, воспитание граждан в духе советской дисциплины.

Применительно к нашей проблеме исследования описанная конфигурация содержала потенциальное противоречие: сформированные населением народные суды претендовали на статус органа, имевшего высшую легитимность, следовательно, таким же уровнем легитимности должны обладать и их акты, которые не могли быть пересмотрены. Но при этом отказ от профессионального принципа комплектования и апробированных процессуальных институтов, создавал угрозу дезорганизации отправления правосудия, устранение которой возможно было через выстраивание механизмов контроля, имевшие соответствующие организационные и процессуальные формы. Достичь желаемого позволяли механизмы обеспечения единообразного применения законодательства, который в свою очередь тоже является инструментом организации и проведения определенной государственной политики.

Однако первоначально, насколько позволяет судить знакомство с взглядами теоретиков и практиков большевизма, идея высшей судебной инстанции находилась вне поля их внимания. Это не означало отрицание этой идеи, равно как и солидарность с ней. Следовательно, реальное отношение могло проявиться только в процессе практики судебного строительства по уже известному по другим сферам государственной жизни сценарию «развитие мысли в связи с действием», благо практики реформирования первых советских лет не склонны были консервировать настоящее и допускали уточнения под воздействием внешних событий или в результате дискуссий.

Предполагалось, что роль суда в силу упрощения правовой жизни будет сокращаться, а правосудие трансформируется в местную функцию,

¹ Правда. 1926. 20 июля

² См.: Волков В., Дмитриев А., Поздняков М., Титаев К. Российские судьи: социологическое исследование профессии. М., 2016. С. 54.

вследствие чего разрешение большинства споров ограничится пределами регионов, а потому судебное строительство можно сконцентрировать в этих границах. Это дает основание считать, что первоначально допускалась децентрализованная судебная система. Однако опыт трибуналов заставил скорректировать этот взгляд. Политические причины (необходимость борьбы с противниками революции) заставила советское руководство пойти по пути централизации системы трибуналов. Одним из направлений данного процесса стало создание структур, которые координировали и контролировали деятельность трибуналов в масштабе всей страны. На протяжении 1918 г. функционировало несколько таких структур и постепенно стали оформляться формы и способы такой координации и контроля, в числе которых было и управление правосудием через пересмотр приговоров по конкретным делам и выработку абстрактных разъяснений.

Библиографический список:

1. Алешкина Э.Н. Местное правотворчество в первые годы советской власти. Воронеж, 1977.
2. Банченко-Любимова К.С. Пересмотр судебных решений в порядке надзора. М., 1959.
3. Берман Я.Л. Декреты Октября / Советское государство. М., 1933. № 6. С. 35-47/
4. Берман Я.Л. Очерки по истории судоустройства в РСФСР. М., 1923.
5. Берман Я.Л. Революционные трибуналы // Пролетарская революция и право. 1919. № 1. С. 48-49.
6. Буков В.А. От российского суда присяжных к пролетарскому правосудию: у истоков тоталитаризма. М., 1997.
7. Волков В., Дмитриев А., Поздняков М., Титаев К. Российские судьи: социологическое исследование профессии. М., 2016. С. 54.
8. Вышинский А.Я. Судоустройство в СССР. Изд. 2. М., 1935/.
9. Гимпельсон Е.Г. Становление и эволюция советского государственного аппарата управления 1917-1930. М., 2003. С. 34-36.
10. Голунский С.А., Карев Д.С. Учебник по судоустройству. М., 1939.
11. Городецкий Е.Н. Рождение советского государства. М., 1965.
12. Добровольская Т. Верховный Суд СССР. М., 1964.
13. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации прокуратуры 1917-1954 гг.: сборник документов / сост. Л.Н. Гусев; под ред. С.А. Голунского. М. 1955.
14. Карев Д.С. Советское судоустройство. М., 1966.
15. Клейнман А.Ф. Советский гражданский процесс. М., 1954.
16. Кожевников М. В. История советского суда. М., 1956.
17. Крыленко Н.В. Судоустройство РСФСР: лекции по теории и истории судоустройства. М., 1924.
18. Кудрявцев В., Трусов А. Политическая юстиция в СССР. М., 2000.
19. Курицын В.М. Переход к нэпу и революционная законность. М., 1972.
20. Портнов В.П., Славин М.М. Становление правосудия Советской России (1917-1922 гг.). М., 1990. С. 40-41.
21. Семенов В.М. Суд и правосудие в СССР. М., 1984.
22. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1956.
23. Стучка П. Мысли о нашем правосудии. В порядке дискуссии // Еженедельник советской юстиции (далее – ЕСЮ). 1923. № 14. С. 313-315.

24. Стучка П. Народный суд в вопросах и ответах. М., 1918.
25. Стучка П. Пролетарская революция и суд // Пролетарская революция и право. 1918. № 1. С. 1-7.
26. Суд в СССР / под. ред. Л.Н. Смирнова, В.В. Куликова, С.Г. Банникова, В.М. Савицкого, Х.Б. Шейнина. М., 1977. С. 76.
27. Титов Ю.П. Создание системы советских революционных трибуналов. М., 1983.
28. Трубников П. Возникновение и развитие судебного надзора // Социалистическая законность. 1967. № 11. С. 76-80.
29. Фархитдинов Я.Ф. Источники гражданского процессуального права. Казань, 1986.
30. Чистяков Н.Ф. Верховный суд СССР. М., 1977.
31. Шинд В.И. О судебном надзоре в первые годы советской власти (1917-1922 гг.) // Советское государство и право. 1957. № 3. С. 103-106.